

На правах рукописи

ВЕРЕЩАГИН Сергей Борисович

Дискурсивные аспекты политических дебатов (на материале русских и английских текстов)

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Тюмень – 2007

Работа выполнена на кафедре английского языка ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Белозерова Наталья Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Нефёдова Лилия Амиряновна
кандидат филологических наук
Шапочкин Дмитрий Владимирович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Защита состоится «___» мая 2007 года в _____ часов на заседании диссертационного совета К 212.274.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Тюменском государственном университете по адресу: 625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, корпус 1.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Тюменского государственного университета по адресу: 625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10, корпус 1.

Автореферат разослан «___» апреля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Т.В. Сотникова

В настоящем диссертационном исследовании сопоставляются дискурсивные аспекты политических дебатов (на материале русских и английских текстов). Данная работа лежит в русле сопоставительного и типологического языкознания и направлена на изучение дискурсивных и лингвистических характеристик парламентских дебатов, целью которых является обсуждение новых законопроектов, принятие решений относительно политической ситуации в стране.

Актуальность работы подтверждается заинтересованностью в исследовании особенностей политического дискурса многими выдающимися лингвистами. В многочисленных монографиях и проходящих международных конференциях в Европейских странах, Америке, России и других как молодые, так и уже известные лингвисты осуществляют попытки вникнуть в суть дискурса, выработать новые модели его анализа, расширить и углубить результаты исследований. Данная тенденция прослеживается в ряде монографий и публикаций следующих авторов: Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.Н.Белозерова, Э. Бенвенист, Н. Бердяев, Г.П. Грайс, Р. Гроотендорст, Т. ван Дейк, В.З. Демьянков, Ж. Деррида, Д. В Джонсон, Р.Т. Джонсон, Ф. ван Еемерен, Ю. Н. Караулов, В.В. Колесов, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, М. Култхард, В.И. Курбатов, Дж. Лакофф, Дж. Лич, Ю. Лотман, Т. Милевская, М.В. Новикова-Грунд, Е.К. Павлова, П.Б. Паршин, Х. Перельман, Г.Г. Почепцов, Ю.Д. Прохоров, А.Л. Резников, И.П. Сусов, Н.И. Формановская, М. Фуко, З.Харрис, Е.И. Шейгал, Т.Е. Янко, В.Н. Ярцева и др. По результатам ежегодных конференций публикуются сборники статей. В них освещаются наиболее насущные и актуальные вопросы политической лингвистики (А.Н. Баранов, А. Буркхардт, Й. Кляйн, Н.М. Мухарьямов, П.Б. Паршин, А.А. Романов, У. Сарчинелли, А.П. Чудинов), такие как риторика президентских речей, метафоры, афоризмы, языковые функции и другие аспекты политического дискурса. Данная тема позволяет внести вклад в решение некоторых теоретических и прикладных проблем, таких как выработка методики исследования коммуникативного пространства, в состав которой входит рассмотрение ряда вопросов из области когнитивного анализа речевого поведения политических деятелей, контекста ситуации. Политический дискурс является весьма привлекательным источником для анализа аргументативных высказываний, исследованием которых занимается все большее количество ученых. Исходя из многоаспектности подходов к их исследованию нам необходимо выделить основные направления исследования, уделить внимание наиболее востребованным методам дискурсивного анализа, рассмотреть аспекты политической лингвистики через призму сравнения разноязычных текстов. Речевое поведение политических деятелей в контексте дебатов до сих пор остается малоисследованным.

Исследование проводится на стыке следующих наук: *сопоставительной лингвистики, теорий дискурсивного, контекстуального, когнитивного, критического анализов, теории пресуппозиций.*

Объектом исследования является дискурс русскоязычных и англоязычных политических дебатов. В качестве *предмета* исследования рассматриваются дискурсивные аспекты политических дебатов на русском и английском языке на материале выступлений политических деятелей.

Материалом исследования послужили электронные копии стенограмм политических дебатов в Думе РФ и Палате Представителей Новой Зеландии, количество которых равняется 12 заседаниям общим объемом 2500 страниц печатного текста. В качестве дебатов, подверженных анализу, мы сочли рациональным взять страны, парламентский институт которых сравнительно молодой, и состав которого характеризуется мультиэтничностью. Стенограммы текстов дебатов выбраны в случайном порядке и укладываются во временные рамки с 2004 по 2006 год.

Цель исследования – выявить сходства и различия дискурсивных аспектов политических дебатов в русских и английских текстах.

Поставленная цель достигается путем решения следующих *задач*:

1. Опираясь на работы известных отечественных и зарубежных авторов, представить исходные теоретические положения по теории политического дискурса и его содержания. Выбрать основные положения, от которых мы будем отталкиваться при анализе политических дебатов.
2. Выработать методику исследования дискурсивных аспектов политических дебатов, взяв за основу общепризнанные среди выдающихся лингвистов подходы к анализу дискурса.
3. На основе выработанного метода определить сопоставительные характеристики дискурсивных особенностей англоязычной и русскоязычной речи. Представить сравнительное описание речевого поведения участников политических дебатов через призму теории пресуппозиций в рамках политического дискурса.
4. Выявить степень привязанности к контексту речевого поведения политических деятелей, а также определить те аспекты, которые обуславливают нарушение контекстуальных фреймов.

Для решения конкретных задач исследования применялся комплекс *методов*, принятых в современной лингвистике:

- метод анализа и синтеза;
- метод сравнительного анализа;
- метод когнитивного дискурсивного анализа;
- метод контекстуального дискурс-анализа.

Научная новизна исследования заключается в выявлении дискурсивных аспектов пресуппозиций политических дебатов путем анализа и синтеза ряда подходов к исследованию политического дискурса, на основе которых выбраны наиболее актуальные критерии дискурсивного анализа, структурированные согласно двум языковым уровням: синтаксиса и лексики. Актуальность предпочтенных нами аспектов прослеживается в трудах ряда известных лингвистов: Н.Д. Арутюнова, Р. Бендлер, Т. Ван Дейк, Дж. Вильямсон, О.Ф. Русакова, В. Гаврилова, А. П. Чудинов, Р. Якобсон и др.

Следующим фактором, который повлиял на выборку, стала наша точка зрения о том, что данные критерии помогут выявить и сопоставить дискурсивные характеристики политических дебатов в целом и речевое поведение участников в частности.

Теоретическая значимость исследования состоит:

- в рассмотрении ряда подходов к анализу политического дискурса, таких как контекстуальный, когнитивный, критический, описательный, на основе которых строится структурная модель дискурсивного анализа политических дебатов;
- на основе разработанной модели проводится сопоставительное исследование дебатов РФ и Новой Зеландии.

Практическая ценность заключается в том, что материалы работы можно использовать в курсе лекций и семинарских занятий по политической лингвистике, коммуникативной прагматике, по теории дискурса, в курсах по сравнительно-сопоставительному языкознанию.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Выработанный метод дискурс-анализа позволяет провести сопоставительное исследование дебатов, по результатам которого можно выделить основные отличительные и схожие дискурсивные особенности. Метод основан на анализе пресуппозиций через призму контекстуального, когнитивного критического и описательного подходов.
2. Опираясь на избранные аспекты когнитивного подхода интерпретации текстов, можно обнаружить ряд имплицитных особенностей, которые содержатся в пресуппозициях в контексте стимула или реакции. Данные особенности оказывают влияние на адекватное восприятие информации участниками. К имплицитным особенностям мы можем отнести обобщенные и искаженные высказывания (мета модель), которые проявляются в дебатах посредством таких синтаксических и лексических средств, как сложная равнозначность, двусторонние ограничения, безагенсные конструкции, кванторы общности, номинализации, пресуппозиции, модальные операторы возможности и необходимости и др.
3. Дебаты, как формальный метод взаимодействия и высказывания аргументированных точек зрения, целью которых является убеждение аудитории, представляет собой комплексное взаимодействие участников на базе уже имеющихся фреймов знаний. В случае конфронтации ментальных моделей участников обнаруживаются два пути развития дискурсивной ситуации: а) базируясь на общепринятых нормах и принципах общественного сознания и регламента дебатов, участники приходят к консенсусу путем аргументации, стараясь как можно более доступно отразить свое видение ситуации; б) участники не желают признать чужую точку зрения, что может выражаться через повелительные, личностные высказывания, грубость, жаргонизм и др.
4. На основании экспрессивных и стилистически окрашенных вербальных компонентов, содержащихся в реакциях участников на чужие доводы, мы

можем сопоставить дебаты по степени экспрессивности, толерантности, а также определить субъективную модальность, которая прослеживается в высказываниях.

Апробация работы. Основные положения и результаты настоящей работы нашли отражение в четырех печатных публикациях, а также представлялись на ежегодной региональной научной конференции “Уральские лингвистические чтения” (г. Екатеринбург, 1-2 февраля 2005 года); основные положения изложены в форме доклада на заседании совета кафедры при ТюмГУ, 19 февраля 2007 года.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического раздела и приложения, которое находится на дополнительном диске. Диссертация изложена на 133 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, устанавливается практическая значимость работы, определяется цель исследования, его задачи, объект и предмет, представляется научная новизна исследования, теоретическая и практическая значимость работы, указываются используемые методы, а также формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «**Дискурс, как сложный процесс порождения, восприятия речи**» отражает различные подходы к определению понятия «дискурс». На основе предложенных определений такими авторами, как Э. Бенвенист, В.Н. Ярцева, В.З. Демьянков, В.И. Курбатов, А.А. Кибрик, В.В. Паршин, Т.В. Милевская мы вывели следующее определение дискурса. *Дискурс* – это динамический процесс порождения и восприятия речи человеком, отраженный формулой “здесь и сейчас”, представленный нам в виде устной, письменной или иной формы передачи информации реципиенту, задачей которого является его адекватное восприятие, интерпретирование текста посредством глобальных знаний и когнитивных способностей, а также создание ментальной модели относительно полученной информации.

Дискурсивный процесс строится из множества коммуникативных актов. О коммуникации Ю.Лотман говорит как о переводе текста с языка моего “я” на язык твоего “ты”. Согласно теории М.М. Бахтина, мы можем представить базисную структуру восприятия информации реципиентами:

1. Психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы).
2. *Узнание* его (как знакомого или незнакомого). Понимание его повторимого (общего) значения в языке.
3. Понимание его значения в данном контексте (ближайшем и более далеком).

4. Активно-диалогическое понимание (спор-согласие). Включение в диалогический контекст. Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности.

Для адекватного восприятия высказывания спикер должен не только обратить мысли в слова, он также обязан учитывать правила, *разговорные максимы*. Такие максимы, как *изложение, качество, количество, стиль, вежливость, этикет* нашли свое отражение в работах Г.П. Грайса, М. Култхарда, Дж. Лича, Н.И. Формановской.

По нашему мнению, игнорирование вышеперечисленных правил приведет не только к непониманию, но и возможному игнорированию спикера реципиентами. Поэтому, чтобы дискурс был адекватно воспринят, необходимо следовать приведенным максимам, что большинство из нас делает на подсознательном уровне. Заметим, что в дискурсивном процессе задействованы обе стороны: говорящие и слушающие, поэтому, для осуществления успешной коммуникации они должны правильно распорядиться информацией – первые должны ее правильно преподнести, последние – правильно ее интерпретировать.

Исходя из того, что любой дискурс не только диалогичен, но и полилогичен мы можем утверждать, что *дебаты* – это одна из форм дискурса. Под дебатами понимается формальный метод взаимодействия и высказывания аргументированных точек зрения, целью которых является убеждение аудитории, а также обсуждение различий согласно теме, заключенной в рамки определенного контекста и подчиняющейся определенным установленным правилам. Неотъемлемой особенностью политического дискурса является его *аргументативный характер*. Существенную значимость приобретает аргументативный потенциал речи участников политической коммуникации, их способность убедительно отстаивать собственные позиции в определенных вопросах (Е.И. Шейгал, И.С. Черватюк, Ф.Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст).

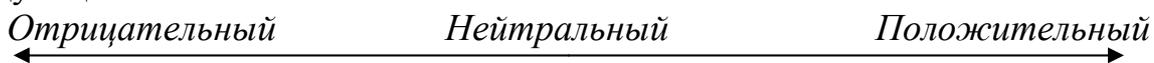
В нашей работе мы исходили из *узкого понимания политического дискурса* как жанра, целью которого является обсуждение поставленной темы посредством аргументированных высказываний, ограниченных рамками определенного контекста (в нашем случае – контекста парламентских дебатов), и вынесения определенного решения путем общего голосования. За основу определения политического языка мы взяли утверждение А.Н. Баранова, что *политический язык* – это особая знаковая система, основанная на системе естественного языка общения, предназначенная именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в котором каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия.

Убеждающая функция, как признают многие лингвисты (П.Б. Паршин, Е.К. Павлова, А.Н. Баранов, Г. Шиллер и др.), является основной функцией политического дискурса.

Центральной фигурой в политических дебатах выступает *языковая личность*. Языковые личности политических деятелей раскрывают свою сущность посредством *коммуникативных стратегий*, которые они используют для того, чтобы убедить оппозицию в своей правоте. Вопрос лишь в том, насколько эффективны и каково разнообразие речевых стратегий дискурса. Как полагает О.Н. Паршина, современными российскими политиками используются информационно-интерпретационная, аргументативная, агитационная стратегии, а также стратегии самопрезентации, самозащиты, формирования у адресата определенного эмоционального настроения.

По нашему мнению, личность, которая принимает непосредственное участие в дебатах, имеет развитые коммуникативные навыки, которые помогают проложить путь к достижению цели – убеждению. Такая личность способна критически воспринимать информацию и, соответственно, реагировать на аргументированные точки зрения оппонентов.

Мы также считаем, что языковая личность оказывает влияние на общий настрой в контексте политических дебатов, на преобладающий эмоциональный компонент, который мы можем представить в виде следующей шкалы:

Если преобладают высказывания, которые несут отрицательную коннотацию, такие как просторечные, личностные высказывания, жаргонизмы, и др., то общий эмоциональный ключ дебатов можно будет охарактеризовать как нейтральный/отрицательный или сугубо отрицательный. В случае если преобладают лингвистические средства с положительной коннотацией, характер эмоционального плана, соответственно, будет нейтральный/положительный или положительный.

Во второй главе «**Современные подходы к анализу дискурса**» рассматриваются наиболее актуальные методы анализа дискурса: метод контекстуального анализа, метод когнитивного дискурс-анализа, метод критического анализа, а также набор методик, которые собраны в описательном подходе к рассмотрению дискурса. На их основе выводится метод анализа пресуппозиций, применимый к такой единице нашего анализа, как минимальный речевой ход.

Теоретической основой для написания второй главы послужили работы следующих авторов: Н.Д. Арутюнова, Н.Н.Белозерова, Р. Бендлер, Р.М. Блакар, Э.В. Будаев, Дж. Вилльямсон, Р. Водак, М. В. Гаврилова, Дж. Гриндер, Г.Б. Гутнер, Т.А. ван Дейк, М. Джонсон, Ж. Деррида, В. Ескандель-Видаль, В.И. Курбтов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М.В. Новикова-Грунд, Г. Олдер, В.В. Петров, О.Ф. Русакова, С. Слемброук, И.П. Сусов, Н. Фейрклоу,

М. Фуко, А. П. Чудинов, Л.Е. Чуфистова, Р. Якобсон, Т.Е. Янко, В.Н. Ярцева и другие.

Т.А. ван Дейк утверждает, что *контекст* – это динамическая структура, которая определяет границы дискурса в целом и коммуникативных ситуаций в частности.

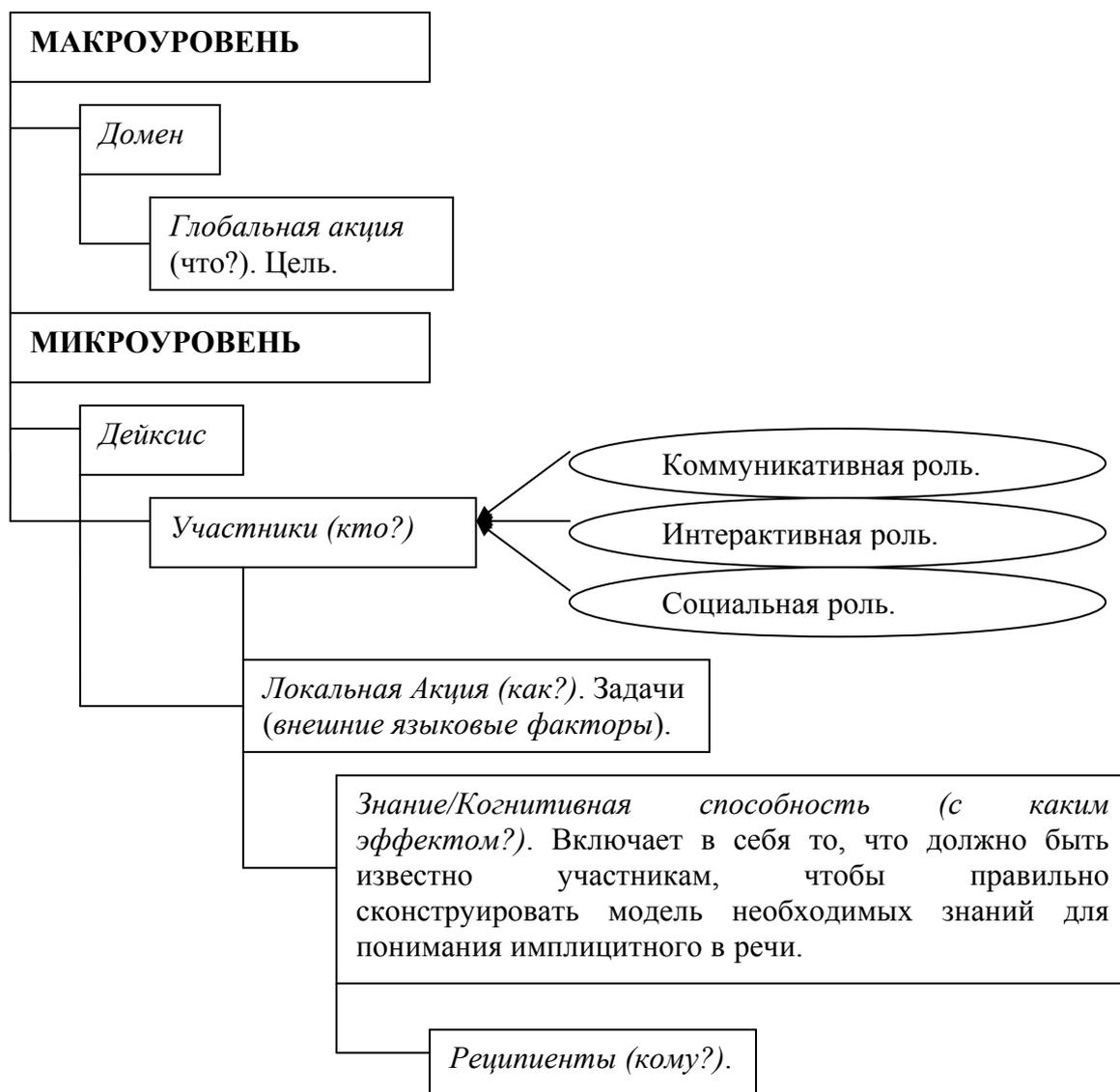

Схема 1. Контекстуальная модель Теона ван Дейка

Мы исходим из того, что любой стимул и реакция должны быть вовлечены в контекстуальные фреймы. При анализе мы сопоставили основные дискурсивные аспекты, заключенные в рамки контекста. Это дало нам возможность установить речевое поведение участников, приводящее к развитию коммуникации как внутри, так и за пределами контекстуальной ситуации.

В основе метода *когнитивного дискурс-анализа* лежит предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – объяснение процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, соответственно, и определяют сущность человеческого

разума. Техника когнитивного анализа позволяет реконструировать представления человека о внешнем мире, его симпатии/антипатии, ценностные воззрения, а также позволяет судить о политической ситуации, так как внутренние модели мира лидера оказываются частью объективной картины политической ситуации.

Наиболее удачная модель, которая включает в себя все основные когнитивные этапы и не перегружена лишними элементами, была предложена Дж. Вилльямсоном и выглядела следующим образом:

Схема 2. Модель Вилльямсона

В качестве основного понятия, через призму которого мы рассмотрели когнитивную составляющую дискурса, является понятие “пресуппозиции”. Согласно БЭС под редакцией В.Н. Ярцевой, *пресуппозиция* – это термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, пресуппозиция противопоставлена коммуникативно-релевантному содержанию высказывания. Она входит в семантику предложения как «фонд общих знаний» собеседников, как их «предварительный договор». *Пресуппозиция – подразумеваемое* – «это то, что говорящий предоставляет заключить своему собеседнику».

При анализе уделено внимание степени обобщенности языка, которая определяется посредством лексических и синтаксических пресуппозиций. Мы выстраиваем следующую их иерархию от синтаксических к лексическим: *комплексную эквивалентность (сложную равнозначность)*, которая утверждает о том, что два явления имеют одинаковый смысл, но на самом деле, одно означает нечто совершенно иное; *двустороннее ограничение*, создающее «иллюзию выбора»; *номинализации* - отглагольные абстрактные существительные, которые превращают процесс в вещь или события; *универсальные квантификаторы (универсальные обобщители)*, придающие утверждению всеобщий или абсолютный характер. Например: “все сотрудники...” или “вам никогда не придется...”; *модальные операторы*, часто используемые в высказываниях с целью повлиять на решение кого-либо, которые подразумевают возможность или необходимость.

Мы посчитали целесообразным также включить в анализ *коммуникативный акт*, который несет *пресуппозицию влияния* или *уклонения от ответа* как показателя речевой стратегии, а также приемы *усиления* и

эвфемизмы, потому как первое отражает эмоциональную сторону участников, второе – их толерантность.

С точки зрения *критического дискурс-анализа* мы сравнили такие дискурсивные аспекты, как степень толерантности языковой личности участника, дали общую характеристику сознания группы участников.

Посредством *лингвистического направления* мы уделили внимание несоблюдению стилистики дискурсивного процесса в рамках контекста политического дискурса. К нему относится формальный официальный стиль речи. Мы считаем, что коммуникативные акты участников, прежде всего, должны представлять собой стилистически грамотно оформленный текст. *Семантическое* и *психолингвистическое направление* способствовали пониманию имплицитного содержания в речах политических деятелей.

Ниже приведена таблица, согласно которой осуществляется основная часть дискурсивного анализа пресуппозиций, которые имеются в речевых ходах участников:

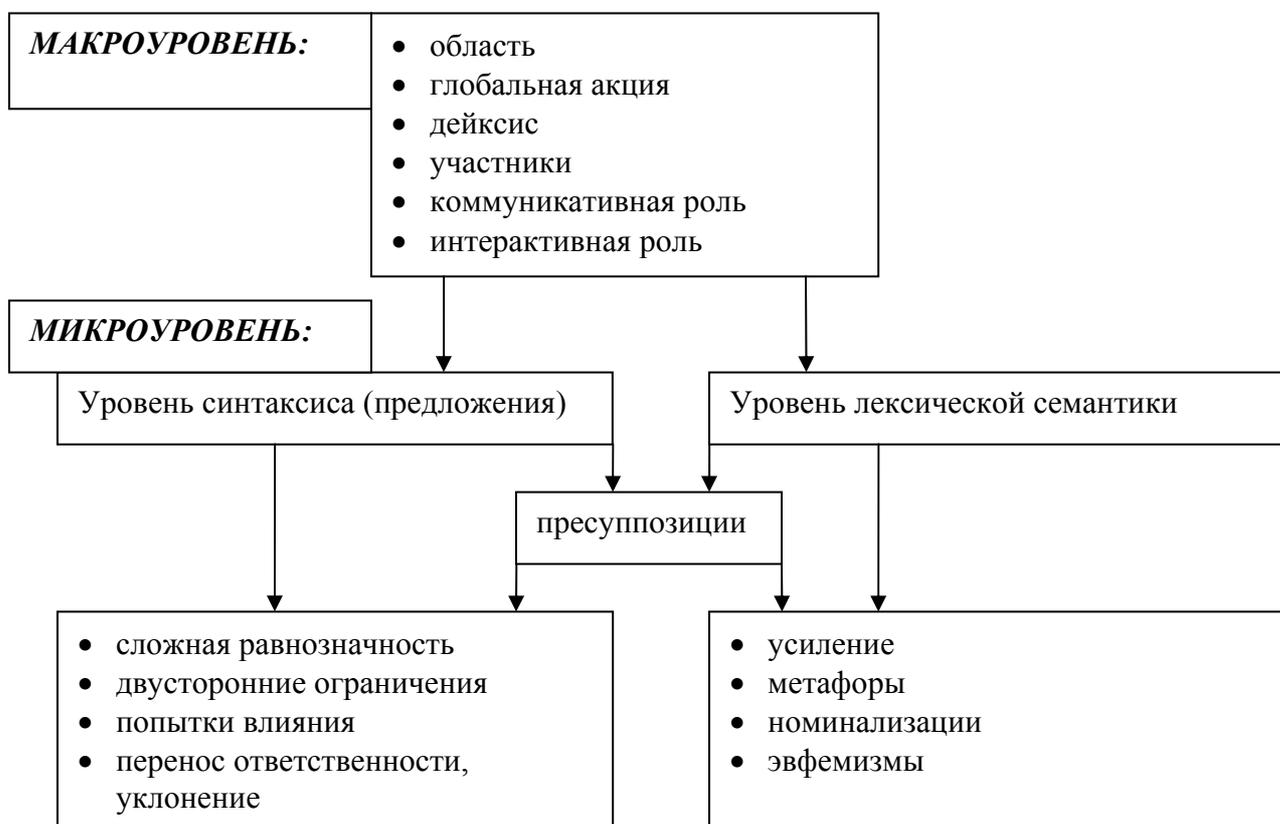

Схема 3. Градация на уровни дискурсивного анализа пресуппозиций в политическом дискурсе

Данный анализ позволил нам представить сопоставительные характеристики дискурсивных особенностей англоязычной и русскоязычной речи на основе пресуппозиций в рамках политического дискурса, выявить нормы и закономерности речевых стратегий в политических дебатах, а также предоставить возможность получить общую картину, отражающую не только лингвистические, но и психолингвистические и культурные особенности участников дебатов.

Цель третьей главы «**Анализ политических дебатов**» – отразить форму исследования политических дебатов двух стран согласно выработанной модели дискурс-анализа. В качестве дебатов подверженных анализу мы сочли рациональным, взять страны, парламентский институт которых сравнительно молодой и состав которого характеризуется мультиэтничностью. Так, в качестве объекта исследования выступают государственные дебаты в России и Новой Зеландии, количество которых равняется 12 заседаниям, общим объемом 2500 страниц печатного текста. Стенограммы текстов дебатов выбраны в случайном порядке и укладываются во временные рамки с 2004 по 2006 год.

В качестве основной единицы анализа используется *минимальный речевой ход* (стимул-реакция). В качестве второстепенной единицы – *высказывание*. Как справедливо заметила О.А. Лаптева, высказывание – центральное звено коммуникации, речевого акта. Лексические, лексико-стилистические, морфологические и синтаксические явления осуществляются в высказывании и являются его строительным материалом.

Способ интерпретации текстов продиктован основными положениями, которые изложены во второй главе и включает в себя контекстуальный, когнитивный, сопоставительный анализ пресуппозиций в тексте.

В качестве полученных результатов анализа, мы пришли к выводу, что используемый нами метод анализа пресуппозиций политических дебатов позволяет выделить их основные дискурсивные аспекты. Этот подход применим в исследовании дискурсивной речи, имеющей структуру, свойственную дебатам, которая продиктована регламентом соответствующей страны, общей составляющей которых является цепочка стимулов и реакций вопрос-ответ, обычно присутствующая в самом начале дебатов, затем – доклад-(содоклад)-вопрос-(поправка)-ответ.

Основные результаты исследования отражены в 4-й главе диссертации.

Четвертая глава «**Обсуждение результатов исследования**» посвящена результатам исследования политических дебатов в Государственной Думе РФ и Палате Представителей Новой Зеландии.

Речевое поведение участников мы условно разделили на 4 категории:

1. *Речевые стратегии говорящего, побуждающие к ответной реакции.*
2. *Речевые стратегии реципиента как способ аргументированного высказывания, реакция.*
3. *Экспрессивность.*
4. *Соблюдение регламента, правил дебатов.*

1. *Речевые стратегии говорящего, побуждающие к ответной реакции.* Основной тип высказывания участников с целью узнать новую информацию – это вопрос, заданный в рамках поставленной темы. Встречаются вопросы, которые ограничивают многочисленный диапазон ответных реакций и побуждают реципиента ответить на них, не выходя за их пределы. Подобные вопросы получили название «двусторонние ограничения», например, вопрос по поводу переселенцев «*Они не обращаются или мы так работаем, наши структуры государственной власти, не оказываем им помощи? Или они*

довольны жизнью?», «Given that the assertion by the questioner is that this is a serious complaint, has she seen any information or evidence from Mr English or Mr Hyslop to justify the description a serious complaint?». Заметим, что данный тип языковой конструкции встречается достаточно редко. Общее количество двусторонних ограничений на 1 заседание в среднем приближено к 2-6. Лингвистическое понятие, означающее «допущение», также отражается через такие вопросы, как «Вам не кажется, что в этой ситуации более правильно всё же конкретизировать сам закон, не отсылая так часто к правительству?», «Has Mr English, who is raising these questions today, provided the Prime Minister with any evidence in the form of letters, from whatever official body, to back up the questions he is putting today; if not, does he wonder why not?». В построении данных вопросов задействована пресуппозиция предположения, которая выражается посредством таких фразовых оборотов, как «вам не кажется?» или «does he wonder?»

Реже в состав вопроса входят экспрессивные компоненты, такие как усиления, которые проявляются посредством гипербол, повторов, кванторов общности, модальные операторы, сложная равнозначность (комплексная эквивалентность), например, «...вы можете снять свою поправку, учитывая предложение снять первую часть предложения в поправке?», где используется модальный оператор, пресуппозицией которого является возможность наряду с явлением сложной равнозначности; «I wonder whether the Minister could just say what it is if it is not a tax increase», используется модальный оператор *could* и усиление *just*.

Заметным отличием дебатов в РФ можно назвать модальность вежливого побуждения к тому, чтобы ответить на вопрос, дать комментарий, предложить свою версию поправки или зачитать доклад. Самой распространенной лексемой вежливой просьбы выступает лексема «пожалуйста» (например, «Включите, пожалуйста, режим голосования»), грамматическая форма сослагательного наклонения (например, «Уважаемые коллеги, выслушав выступления, я бы хотел ответить...», «Я хотел бы уточнить»), а так же обращение к тому, кому адресуется вопрос (например, «...уважаемый Александр Викторович! Вы поставили вопрос...»).

Характерной особенностью некоторых вопросов, заданных на заседаниях в Новой Зеландии, явилось эксплицитное побуждение предоставить информацию, в которой ответчик должен быть уверен, например, «Does he have confidence in the New Zealand Immigration Service; if so, why?». Подавляющее большинство вопросительных высказываний исключали наличие сослагательного наклонения, побудительной реплики в форме личного обращения к участнику. Основная часть вопросов состояла из побуждения к ответу, которое выражалось в 3-м лице единственного числа, например, «What reports, if any, has she received on the uptake of paid parental leave?», «Does he still agree that...», либо содержала имплицитное указание на того, кому адресуется вопрос, например, «What recent announcements has the Government made on business tax, and what response has he received?», «Have police Intel units made a difference to policing in New Zealand?».

Побуждению ответной реакции способствовал не только вопрос, но и утверждение, в котором содержалась пресуппозиция предоставить ответ, например, «*По ведению записался депутат Харитонов Николай Михайлович. Пожалуйста*»; «*I seek the leave of the House to table a number of documents, ...*». Кроме этого, высказывания, область знаний в которых пересекается с областью знаний другого участника, также могли явиться причиной желая высказать свою точку зрения. В качестве стимула могло выступить: оскорбление, комментарий, не удовлетворяющий контексту ситуации, «абсурдный» комментарий, многократное незнание ответа на вопрос и другие стимулы.

2. *Речевые стратегии реципиента как способ аргументированного высказывания, реакция.* Логичное аргументированное высказывание является основой дебатов. Благодаря им участники узнают важную информацию в рамках установленной темы. Аргумент – это реакция на стимул. Реакция может стать стимулом последующей реакции и т.д., образуя тем самым последовательную цепочку высказываний. Далее мы сопоставим речевые стратегии реципиентов на основе дебатов, подверженных анализу.

Аргументированный ответ должен отвечать основным максимам, что позволит повысить вероятность адекватного восприятия дискурса. Напомним, что основными максимами, позаимствованными из работы М.Култхарда, выступают: *изложение*, где необходимо строить свою речь так, чтобы она удовлетворяла рамкам контекста ситуации; *качество*, которая подразумевает воздерживаться от заведомо ложных высказываний, но преподнести лишь правдивую, достоверную информацию; *количество* - подразумевает сделать вклад настолько информативным, насколько это необходимо (в конкретной ситуации); *стиль*, что подразумевает избегание неясности изложения заключенного в рамки определенного стиля, в нашем случае – формального официального стиля речи.

Подавляющее количество реакций базируется на предложении аргумента, который может указывать на причину и следствие, быть подкрепленным цифровой или фактуальной информацией, например, «*И при этом, как отмечает комитет, в результате этих мероприятий средний размер трудовой пенсии увеличился на 287 рублей, или на 16,2 процента, по сравнению с индексом потребительских цен - 111,7 процента*», «*In the year 2004, 14. 05 million was collected in reparation--an increase of 1. 77 million on the amount collected the year before. Of that, 89 percent has already been distributed to people who were owed reparation*». Можем утверждать, что большинству реакций в дебатах Новой Зеландии и России свойственен аргументативный характер, выражающий свою суть через факты, статистику и количественную информацию. Но наряду с этим в дебатах Палаты Представителей нередко встречаются очень лаконичные ответы, например, «*yes*», «*yes and no*», «*easily*», «*Off the top of my head, no*», что не представляет информативной ценности, кроме как согласия или отрицания. Особенность аргументов, свойственная депутатам Государственной Думы, – это многочисленное применение приема сложной равнозначности: «*Вы человек*

очень опытный, вы работали в правительстве, у вас есть богатый опыт», «У конкретного творческого проекта нет и не может быть иных авторов в силу презумпции авторского права, поэтому смысл наличия иных претендентов на участие в конкурсе утрачивается», «Мы Афганистан все проиграли, Ирак, но Америка ослабла, у неё уже нет прежних возможностей, поэтому нужно моральное и политическое воздействие всей планеты, чтобы защитить Иран» и т.д.

Большинство речевых ходов в Думе РФ имеют положительную коннотацию. Все участники вербально показывают заинтересованность в решении вопроса и стараются принять как можно более верное решение. Заседания в Новой Зеландии проходили достаточно напряженно. От участников требовалась повышенная концентрация для того, чтобы сформулировать аргумент и в полной мере предоставить информацию в качестве ответа. Причем реакция других членов палаты не всегда была толерантной по отношению к автору определенного высказывания, например, *«Wise Ministers do not make rash and superficial decisions», «But he left!»*.

Ответные реакции депутатов Государственной Думы, содержащие усиления и номинализации, в своем большинстве несут в себе пресуппозиции с оценочной информацией, например, *«Те вопросы, которые сегодня поднимали уважаемые коллеги, очень важны и актуальны», «Комитет очень внимательно отнесся к этой поправке», «Закон был исключительно своевременный», «Мы оцениваем ситуацию как крайне тяжелую»*. Встречается информация критикующего характера, в частности, о России, например, *«Обворована вся страна...», «Россия стала полностью проходным двором для нелегальных мигрантов»*. Наиболее часто встречающийся тип номинализаций относится к семантическому полю ответственности, например, *«Мы должны нести консолидированную ответственность» «Надо прямо сказать, что мы понимали грозную опасность», «Я думаю, что у нас есть, конечно, ответственность»*. Большую часть номинализаций в Дебатах Новой Зеландии можно отнести к семантическому полю какого-либо достижения, например, *«This Government would put its record, in the sense of environmental management, up against the record of that lot opposite.»*, *«... implemented a significant improvement in the way that...»*, *«Can the Minister make a commitment here and now?»*

Недопонимание можно отнести скорее к дебатам Новой Зеландии, нежели к России, потому как именно в первом случае оно возникало наиболее часто. Так, например, некоторые участники высказывали свою позицию в отношении других такими фразами, как *«You're making it up», «the member still does not get it»*. Если обратить внимание на семантику слов, то можно дать объяснение недопониманию посредством принципа «дифференс», например, *«The words "dirty" and "sleazy" are somewhat more of a description of what that member sees in the mirror in his office»*. Данный пример несет в себе отрицательное неуважительное высказывание в адрес реципиента. Автор критикует участника и утверждает, что лексемы *«dirty»* и

«*sleazy*» семантически несут в себе большее количество пресуппозиций, тем самым, усиливая негативную оценку. Естественно, такая реакция вызвана несовпадением фреймов знаний двух участников настолько, что последний позволил себе допустить высказывание подобного рода.

Метафоричность в высказываниях участников наблюдается в основном в эмоциональных речевых актах. Так, характерным видом метафоры в дискурсе российских политических деятелей выступает антропоморфная метафора, например, «...*проходят как разговор слепого с глухим*», «...*нас всех по всей стране будут опять упражнять как мальчишек?*», «...*вы думаете, приятно им говорящую спину слушать?*», «*Вот я там не был, я бы уши натрепал...*», а также метафоры, которые входят в семантическое поле действия, например, «*а сейчас мы созрели*», «*Коллеги, у меня уже перегорело почти...*» «*Мы разрываем школу и вуз, что сейчас и так разорвано, и так мостик сегодня хилый*». В новозеландских дебатах можно встретить метафоры, пресуппозиция которых раскрывается посредством неодушевленного объекта, который можно отнести к семантической категории обыденного предмета в жизни человека, например, «*Government is tearing up the constitutional fabric of our democratic society*», «*come up with a red flag*», «*the rubber hits the road*», «*having the silver spoon in the mouth*», «*line the pockets*». Второй вид метафор представлен зооморфным объектом, например, «*If it smells like a rat and looks like a rat, it most probably is a rat*», «*The member opposite sheds crocodile tears about the issue of the dangers...*», «*Labour is on the back foot...*»; «*looks like a rat*».

Заметной отличительной чертой дебатов стало использование местоимений. В ходе дебатов в Новой Зеландии в основном используются личные местоимения первого лица при ответе на вопрос («*However, I am bound by Cabinet collective responsibility on this matter and I accept, unreservedly, the view that Cabinet has taken on this matter*»), второго и третьего лица – при попытке задать его, например, «...*can he advise the House...*»; «...*he has again failed?*». На основании данного факта мы можем предположить, что это проявление индивидуалистической точки зрения.

В политическом дискурсе РФ зачастую используется личное местоимение множественного числа «мы», например, «*Я считаю, что мы должны пригласить директора ФСБ...*», «...*мы должны разобраться с этим фактом*», «*Нам надо глобально решать вопрос...*» и т.п. Данный факт позволяет высказать предположение о том, что участники обладают коллективным сознанием.

Уклонение от ответа на какой-либо вопрос в дебатах РФ встречается редко. Политические деятели стараются ответить на каждый вопрос как можно более детально, либо представить свою собственную точку зрения, если у них на руках нет необходимой информации по этому поводу. Но, если участнику не удалось построить ментальную карту относительно конкретной ситуации, он мог вежливо объяснить в чем причина его неосведомленности, например, «*Уважаемый Юлий Александрович, я считаю, что этот вопрос, конечно, должен быть прежде всего обращен к тем, кому придется*

реализовывать положения данного договора, но в данном случае, я думаю, просто выражены некие страхующие элементы...».

Уклонение от ответа в дебатах Новой Зеландии встречается достаточно часто, причем иногда в качестве оправдания звучат фразы подобного характера: *«I just want to move slightly to the left as I answer this question»*, пресуппозицией которой может стать перенос, изменение контекста таким образом, чтобы ответить на вопрос так, как это выгодно участнику; или *«When John Banks brought it in I thought that it was not a good idea. John Banks now thinks the same; so do I»*, где с точки зрения синтаксиса и семантики, информация несколько запутана и непонятна, что подтверждается реакцией другого участника *«We are just trying to work out what that answer meant»*. Иногда доходит до абсурда – политический деятель не в состоянии ответить на целый ряд вопросов, приводя несколько оправданий подряд, например, чередой ответов на вопросы: *«I have no idea, nor should I have any»*, *«I have no idea, because it is not for the Minister to be inside the head of witnesses to an inquiry that has already taken place»*, *«The Serious Fraud Office lies outside my ministerial responsibilities»*, *«I do not have access to the background behind the police statements»* вызвала отрицательную реакцию другого участника *«the Minister has no details whatsoever in order to be able to provide an answer to any of the queries of the House, but he is able to provide a huge amount of detail on a case completely disconnected from the question on the Order Paper»*.

Отношение говорящего к высказыванию прослеживается на примерах субъективной модальности. В дебатах Новой Зеландии можно встретить такие примеры, как *«I regret entering an arithmetic debate with the Green Party, but my best guess is that...»*, *«...I am sure»*, *«I think that I did not actually apologise, and I do now»*, *«I am pleased to say that the board has done very well»*, *«I am confident that...»*. Субъективную модальность в дебатах РФ можно проследить на следующих примерах: *«...просто мы считаем...»*; *«Главные, ключевые слова, наверное, которые не прозвучали...»*; *«Поэтому, Владимир Вольфович, ваши аргументы - вы сами всё прекрасно понимаете, я уверена, - смехотворны.»*; *«Мы просто...»*. Сравнительный анализ текстов показал, что модальность неуверенности, лексема *«наверное»*, в дебатах РФ встречается намного чаще, чем в подобных в Новой Зеландии. То же самое можно сказать про вербальное выражение благодарности лексемой *«спасибо»*.

3. *Экспрессивность.* Формальный официальный стиль речи подразумевает минимальное использование эмотивных компонентов в высказываниях. Главная функция данного стиля достижение понимания или соглашения между сторонами, которые принимают участие в процессе общения. Слова используются в прямом значении. Многие эмоционально окрашенные лексемы и фразы в официальном стиле представляют собой вежливые формы обращения, отказа, одобрения, заключения, характерны длинные, сложные предложения. Недопустимы грубость, невежливое обращение, встревание, использование просторечных фраз, жаргонизмов. Проследим случаи отклонения от нормы официального стиля в рамках экспрессивности на примере исследуемых дебатов.

В дебатах обеих стран присутствует элемент эмоциональности в равной пропорции, но характер эмоциональных высказываний несколько отличается. Дебатам в Государственной Думе характерно проявление экспрессии в виде усиления, куда входят такие компоненты, как повтор («Я ещё раз говорю: он не закрыт, не закрыт»), гипербола («Ничего такого здесь абсолютно не предполагается», «Это вопрос гигантской государственной важности, очень крупный вопрос наших взаимоотношений, к нему нужно подходить предельно бережно и предельно деликатно»), кванторы общности, например, «все высказывают это пожелание», «нам никто не поверит». Крайне редко усиление проявлялось посредством повелительного наклонения, например, «Сюда выходите и смотрите в глаза, в пустой зал».

Прием усиления в Палате Представителей используется сравнительно часто и обладает как положительной, например, «*A great deal has been done to improve the quality and performance of the Family Court*», «*Yes, yes, yes, and I refer the member to questions Nos 1 and 3*», так и отрицательной коннотациями, которые определяются семантическими рамками *трудности*, *отказа*, *плохого состояния* и др., например, «...*you completely ignored it...*»; «*There was no one home, and not a single thing--not a dollar--in those accounts*»; «*This issue is very, very complex*», или «*that Labour Party members did wrong, in their sleazy, dirty manner*», где в качестве усиления используется повторение семантики пресуппозиции дважды двумя разными лексемами. Так же встречаются пресуппозиции, которые можно подвести под фрейм сложной равнозначности и усиления путем повтора, например «*If it smells like corruption and looks like corruption, it absolutely is corruption*», где спикер делает необоснованное заключение.

Отличительная черта парламентских дебатов РФ это уважение как личности участника, так и его мнения. Данный факт прослеживается благодаря многочисленному использованию лексем: «уважаемый», «уважаемые», а так же усилительной конструкции «глубокоуважаемый». Вежливое обращение (стимул) и не менее вежливая и уважительная реакция участников заставляет обратить внимание на многочисленное использование лексем «пожалуйста», «будьте добры», «спасибо» и др. Другим признаком уважения является крайне редкое использование жаргонизмов, просторечных высказываний («это два жулика, из-за которых вся страна сегодня...»), необоснованных суждений («...слышим ту ложь, которую он нам несет...») в адрес других участников. Вербальное проявление уважения так же нередко встречается в высказываниях, например, «Павел Владимирович, я знаю вас как действительно грамотного юриста, я искренне это говорю...».

Реакция политических деятелей Новой Зеландии не всегда была сдержана, а порой весьма эмоциональна. Данный факт мы можем проследить на изречениях, таких как: «...*how will the rest of us understand what on earth he is seeking to table?*», «*an honourable – so called – member of this House*»; «*I am also appalled that I had to shout my head off to get your attention*»; «*The member can provide that evidence if he would like to, but so far he has not been man enough to do so*», «*Rubbish!*» и др. Мы также можем наблюдать проявления

крайней степени интолерантности, например, «*The member who has just resumed his seat has become more and more shrill, more and more strident, more and more florid, more and more repetitious, and more and more wrong*»; «...*the world he lives in constrains his understanding of where ordinary people in New Zealand come from*», где ставится акцент на том, что участник не принадлежит к нашему миру, он чужой. В стенограммах всех рассмотренных дебатов присутствуют многочисленные перебивания, шум в зале, что сказывалось на речи докладчика тем, что он терял мысль, либо был вынужден повторить ее. Также для дебатов в Новой Зеландии характерно проявление разговорных фраз («*Don't be ridiculous...*»), грубости («*He is a bit like a dog... That dog got run over, of course, and the member will be, too*»). Попытки оказать влияние на сознание реципиента иногда выражались посредством личностных высказываний, например, «...*The member should just take his medication. He should listen for a second...*». Данная пропозиция несет пресуппозицию того, что участник высказывает абсолютно неверную и абсурдную мысль. Другой пример экспрессии посредством личностно-ориентированного высказывания несет пресуппозицию несовершенства памяти одного из членов палаты: «*He just can't remember. It's one of those things about getting old*».

По своей сути эмоциональный ключ дебатов РФ и Новой Зеландии можно охарактеризовать как нейтральный/положительный и нейтральный/отрицательный. Превалируют нейтральные высказывания, но, когда возникает конфликт на основе несовпадения фреймов знаний, участники используют свой коммуникативный арсенал, чтобы доказать свою правоту. Наблюдаемые речевые ходы в обоих дебатах показывают, что при отстаивании позиции депутаты используют экспрессивные методы в виде усиления, повторения, комплексной эквивалентности, кванторов общности по большому счету с положительной коннотацией, чего нельзя сказать о членах Палаты Представителей. В их ответной реакции на стимул при столкновении и конфронтации ментальных моделей чаще присутствует экспрессия в виде негативно характеризующих какую-либо личность метафор, усилений, сравнений, просторечных высказываний.

4. *Соблюдение регламента, правил дебатов.* Дебаты – это всегда динамичный полилог (разговор нескольких участников друг с другом). Для обеспечения строгости порядка прохождения дебатов устанавливаются правила, регламент, в котором уточняются все нюансы, например, точное распределение времени дебатов между участниками, порядок ответов, содержание ответа и т.д. На дебатах в обязательном порядке присутствует лицо, которое выступает в роли координатора дебатов. Для Государственной Думы этим лицом является *председательствующий*, для палаты представителей Новой Зеландии – *стикер*. Все участники должны очень хорошо знать основные положения регламента и приложить максимум усилий, чтобы не выйти за их рамки, что на практике замечается не всегда.

Чаще всего члены палаты представителей выходят за рамки регламента, нежели депутаты Государственной Думы РФ. Множественные отступления

от регламента вызывают ответную реакцию. Так, нередко членам палаты приходится озвучивать правила регламента для того, кто вышел за их рамки: «*It is inappropriate in this House to refer to another member as a dishonest person, a liar, or a hypocrite, so I will not say any of those things. But I will ask that people consider the record of the Prime Minister, Helen Clark.*», «*It has long been the rule that members using methods of pretending they are not using words to describe a member, and then using them, have been ruled out of order by Speakers. The member has just done that, and I ask you so to rule him out*», «*It is also in Speakers' Rulings that members should not ask rhetorical questions, because if they do they will get a response. The member asked about four in a row, and he got a response*» и т.д. Таким образом, можно заключить, что участники либо слишком требовательны к соблюдению регламента, либо, наоборот, часто не соблюдают установленные правила.

В качестве итога, приведем сравнительную таблицу:

Таблица 1. Сравнительные данные дискурсивных аспектов дебатов в РФ и Новой Зеландии

Стимул/реакция	Дума Российской Федерации	Палата Представителей Новой Зеландии
Эмоциональный ключ	Нейтральный/ положительный	Нейтральный/ отрицательный
Степень обобщенности языка	низкая	низкая
Степень адекватного восприятия закодированной информации	высокая	средняя
Сознание	коллективное	индивидуальное
Экспрессивность	высокая	высокая
Частота неуважительной реакции	низкая	высокая
Субъективная модальность	неуверенность	уверенность
Толерантность	высокая	низкая
Степень информативности аргументов	высокая	высокая
Частота выхода за рамки регламента	низкая	высокая

В данной таблице отражены все основные дискурсивные сходства и различия дебатов, которые явились наиболее характерными при анализе политических дебатов двух стран. Эмоциональный ключ дебатов нейтральный/положительный и нейтральный/отрицательный. Элементы,

которые характеризуют язык как обобщенный, такие как двусторонние ограничения, сложная равнозначность, кванторы общности, номинализации, модальные операторы, безагенсные конструкции, эвфемизмы не проявили себя в нужном количестве, чтобы заключить о высокой обобщенности языка. Их наличие все же было больше в дебатах Государственной Думы, что способствовало большей степени адекватного восприятия закодированной информации, нежели в дебатах в Новой Зеландии. Соотношение личных местоимений единственного и множественного числа, 2-го и 3-го лица позволяет сделать вывод о коллективном и индивидуальном сознании участников. Мы посчитали степень экспрессивности высокой для обоих дебатов на основании частого использования эмотивных компонентов, исходя, главным образом, из того, что формальный официальный стиль речи должен содержать минимум подобных компонентов. Низкую и высокую частоту неуважительной реакции мы наблюдаем в лингвистических средствах вербализации и передачи информации между участниками, где также проявляется степень толерантности, высокая – для депутатов Гос. Думы, низкая – для членов Палаты Представителей Новой Зеландии. Степень информативности аргументов в основном определялась наличием фактуальной и цифровой информации наряду с логикой высказывания и использованием причинно следственной связи. Частота выхода за рамки регламента определялась посредством вербальных эксплицитных замечаний участникам как председательствующим и спикером, так и самими участниками.

В Заключении подводятся общие итоги исследования согласно поставленным задачам и излагаются результаты проведенного анализа дискурсивных аспектов политических дебатов на материале русских и новозеландских дебатов.

Практическая ценность заключается в том, что материалы работы можно использовать в курсе лекций и семинарских занятий по политической лингвистике, коммуникативной прагматике, по теории дискурса, в курсах по сравнительно-сопоставительному языкознанию.

Используемая методика позволила нам провести анализ относительно основных дискурсивных аспектов политических дебатов, что предоставило нам отправную точку в определении дискурсивных особенностей, присущих дебатам двух стран. Кроме того, разработанная методика дала возможность углубить представление о производстве и восприятии дискурса, заключенного в рамки контекста политических дебатов.

Наиболее перспективным направлением дальнейших работ представляется развитие предложенного подхода путем увеличения числа рассматриваемых дискурсивных аспектов, что способствует более глубокому пониманию особенностей дискурса, и его применение к исследованию других дебатов, результатами анализа которых будут новые объемы данных.

**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

1. Верещагин С.Б. Дискурсивные аспекты политических речей (на материале русских и английских текстов) // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения-2005: материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1-2 февраля 2005 г. Екатеринбург: УрГПУ, 2005.– С. 28.
2. Верещагин С.Б. Дискурс. Подходы к анализу дискурса // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы II Международной научно-практической конференции (Барнаул, 5-6 октября 2006 г.). В 2 частях / под ред. Т.Г. Пшёнкиной.– Часть 2.– Барнаул: БГПУ, 2006.– С 93-97.
3. Верещагин С.Б. Дискурс как сложный процесс порождения и восприятия речи. Подходы к анализу политического дискурса // Диалог языков и культур теоретический и прикладной аспекты: сб. науч. статей: вып. 1 / сост. и отв. ред. Т.С. Нифанова; Поморский гос. Ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Поморский университет, 2006.– С. 21-27.
4. Верещагин С.Б. Пресуппозиции в политическом дискурсе // Вестник ТюмГУ.– Тюмень: ТюмГУ, 2007.– №1.– С. 244-250.